

Владимир Хазан (Иерусалим)

О СЕМЬЕ ПОЛЯКОВ И НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМ ПРОЕКТЕ ИЗДАНИЯ РУССКО-ЕВРЕЙСКОГО ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА

О семье Поляков

История этой семьи заслуживает подробного исследования, которое, может быть, когда-нибудь будет кем-то предпринято.

Глава семейства Поляков – Гирш (Григорий) Абрамович Поляк(? – 1897), уроженец Слуцка, ставший со временем нижегородским жителем, начинал в 1870-е годы как один из организаторов пассажирско-грузового пароходства на Волге. Позднее, в 1880-е гг., он был основателем и первым владельцем широко известного в России общества нефтеналивных пароходов «Мазут». Пароходы эти курсировали от Каспия вверх по Волге, сбывая нефть и нефтяные продукты. После смерти Г.А. Поляка общество перешло по наследству к его сыновьям – Савелию и Михаилу, а также мужу одной из дочерей инженеру-химику Бейлину. В начале XX в. могучая нефтеторговая империя Поляков не только не распалась, но стала еще более богатой и солидной: компаньоны вошли в союз с семейством Ротшильдов, и фирма «Мазут» стала частью крупнейшей нефтяной компании Shell, занимавшейся, в частности, добычей нефти на юге России¹. Еще до начала Первой мировой войны братья Поляки, последовав совету Э. Дж. Ротшильда, стали акционерами Shell'a, и потому большевистский переворот хотя и ударил по их финансам, но не разорил. Бежав от российской гражданской распри за границу, они как владельцы акций международного нефтяного гиганта стали еще богаче.

У Гирша Поляка и его жены Елизаветы Соломоновны (урожденной Коварской) было три сына и две дочери. Самый старший Соломон, хотя и был формально совладельцем товарищества «Г.А. Поляк и Сыновья», все же связал свою судьбу не с предпринимательством и коммерцией. В отличие от братьев, Савелия и Михаила, которые, как было сказано, вошли в дело отца и стали его реальными хозяевами, он проявил себя на медицинском поприще. Одна из дочерей, Соня, вышла замуж за инженера Гинцбурга; в 20-е годы они проживали в Германии, а после прихода к власти Гитлера переехали в Англию. Мужем другой дочери стал упомянутый выше инженер Бейлин, компаньон Савелия и Михаила Поляков.

М. Поляк в Израиле (конец 1940-х). Соломон Григорьевич оказался, пожалуй, самым известным из второго поколения семейства Поляков. Родившийся в 1859 г. в местечке Свенцяны Виленской губернии, он в 1879 г. окончил классическую гимназию в Нижнем Новгороде, куда к тому времени переехали его родители, и поступил в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет, получив в 1883 г. степень кандидата прав. Однако, столкнувшись, по-видимому, с царившими в России условиями, при которых попасть еврею в адвокатское сословие было практически невозможно, он в 1886 г. окончил курс императорской Военно-медицинской академии и в 1892 г. стал доктором медицины. За свои заслуги перед отечеством Соломон Григорьевич добрался до статского советника – 5-й чин в Табели о рангах Российской империи. Вполне заметен был он и в еврейской политической и общественной жизни: так, в 1916 г. – наряду с крупными еврейскими деятелями (М. Варшавским, И. Абельсоном, бароном А. Гинцбургом, Б. Каменкой, Г. Слиозберггом и др.) – входил в состав Хозяйственного правления, представлявшего по существу верховный орган еврейской общины в

¹ См.: *Дижур И.М.* Евреи в экономической жизни России // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. Нью-Йорк, 1960. С. 178–179; *Фурсенко А.А.* Парижские Ротшильды и русская нефть // Вопросы истории. 1962. № 8. С. 29–42.

российской столице. В 1920 г. тайно покинул Петроград и перебрался через границу в Финляндию, а оттуда – в Германию. В середине 20-х гг. переехал в Париж. 14 января 1937 г. его не стало², похоронен на кладбище Монпарнас. У него были два сына и дочь, имя старшего – Льва – еще будет упомянуто ниже.

Средний брат Савелий Григорьевич (? – 1940) был по образованию адвокат. Будучи одним из директоров правления общества «Мазут», он являлся членом совета Азовско-Донского коммерческого банка и членом Восточно-Азиатского нефтяного товарищества. Несмотря на громадное состояние и, стало быть, широкие финансовые возможности, равно как и его брат Михаил, жил крайне скромно, почти ничего на себя не тратя. По свидетельству знавшего его журналиста Г. Света, живя в эмиграции в Париже, Савелий ютился в небольшой комнатухе «Гранд Отеля», у Большой Оперы. Здание отеля, оцениваемое во много миллионов, одно время было собственностью братьев Поляк, однако Савелий довольствовался там скромной комнатухой³. Как и Михаил Григорьевич, Савелий Григорьевич никогда не был женат и не имел детей. В общественном смысле он почти никак себя в эмигрантской жизни не проявил, хотя его смерть и была отмечена некрологом в крупнейшей газете «русского Парижа» «Последние новости» (см.: 1940. № 6884. 1 февраля. С. 1). Если вспоминать основные исторические достопримечательности его жизни и связанные с ней незаурядные события, нельзя не указать, что именно в его петербургской квартире С. Ан-ский впервые прочитал свою в будущем знаменитую пьесу «Дибук». Во время чтения присутствовал Ф. Сологуб, о чем живая очевидица этих событий впоследствии вспоминала:

Ан-ский казался нервным и читал тихим, несколько унылым голосом. После чтения начались прения. Слушатели откликнулись сдержанно на «фантастичность» сюжета, подчеркивая трудность постановки пьесы. Семен Ан-ский, подавленный, не возражал. Вдруг брюзгливо вмешался до того хмуро молчавший Соллогуб <так!>: «Пустые слова! Не поняли глубины Вашей драмы, идеи торжества любви над смертью. Это большая замечательная вещь!» Он с раздражением нахлобучил шапку, кивнув на прощание одному Ан-скому. Оставшиеся в смущении скоро разошлись⁴. Младший из братьев Михаил (24 апреля 1864 – март 1954) родился в Нижнем Новгороде. Как и два его старших брата, учился в Санкт-Петербургском университете, где окончил математический факультет. В 1908 г. он впервые посетил Землю обетованную, незадолго до Первой мировой войны направился туда во второй раз⁵, затем приезжал неоднократно, а в 1923 г., переселился в Эрец-Исраэль окончательно, хотя жил там не постоянно, а бывал наездами, деля свою жизнь богатого промышленника и еврейского общественного деятеля между Хайфой и Парижем. В том же 1923 г., частично задействовав деньги Савелия, он основал в Хайфе цементное производство Neshar Cement Works, которое существует по сегодняшний день.

² См. сообщение о его смерти: Последние новости. 1937. № 5774. 14 января. С. 1; через несколько дней в той же газете появился его некролог, написанный Г. Слиозбергом «Памяти д-ра С.Г. Поляка» (1937. № 5779. 19 января. С. 4); дата его смерти отсутствует в энциклопедическом словаре «Русское масонство: 1731–2000» А.И. Серкова (М., 2001. С. 656) и в продублированной из него статье в трехтомном биографическом словаре «Русское зарубежье во Франции: 1919–2000» под ред. Л.А. Мнухина и др. (М., 2010. Т. 2. С. 484).

³ *Свет Гершон*. Спор из-за наследства Михаила Поляка // Новое русское слово. 1957. № 16154. 19 сентября. С. 2.

⁴ Роза Николаевна Эттингер. Иерусалим, 1980. С. 14.

⁵ Примерно в это же время в Эрец-Исраэль приезжал и Соломон Григорьевич, сопровождавший в этой поездке двух еврейских писателей – Ш. Аша и Д. Файнберга.

Начиная с 20-х гг. Михаил Григорьевич вкладывал огромные суммы в экономическое развитие Эрец-Исраэль, финансируя или ссужая в виде ипотеки многочисленные большие и малые проекты. Прежде всего это касалось субсидий или пожертвований, которые шли на закупку земель, благоустройство на них репатриантов-евреев, развитие торговли и промышленности Эрец-Исраэль. Некоторое представление об этой стороне его деятельности, отчасти деловой, коммерческой, отчасти же альтруистической и жертвовательной, дают два письма к нему И. Кодрянского, датированные началом 1920-х годов, которые публикуются здесь впервые. Но перед тем как их привести, несколько слов об авторе этих писем.

Иосиф Кодрянский родился 1 ноября 1863 года под Киевом в семье еврейского общественного деятеля Моше Бен-Цви Кодрянского. С детских лет был погружен в мир национального духа и культуры – хорошо знал иврит и идиш, историю и традиции еврейского народа, его литературу как древнюю, так и новую. Начав самостоятельную жизнь, поселился в Царицыне, где занялся торговлей и коммерцией. Видимо, в 1890-е годы познакомился с семьей Поляков, поскольку некоторые его торговые операции были связаны с бакинской нефтью. Тогда же впитанные с детства палестинофильские чувства и настроения начинают в нем оформляться в сионистские идеи и жизненные проекты. В 1909 г. он репатрировался в Эрец-Исраэль, где его талант предпринимателя и инициативного работника в соответствующем социально-экономическом контексте пришелся ко двору и стал крайне уместным. Ему принадлежала заслуга организации в Хайфе небольшой фирмы по производству мыла и других бытовых товаров, которая со временем разрослась и превратилась в солидное по тем временам производство. Кодрянский принял активное участие в экономическом, социальном и культурном строительстве первого еврейского города – Тель-Авива, возникшего в 1909 г., в год его приезда в Эрец-Исраэль. Первые «высотные» – трехэтажные – дома, появившиеся в Тель-Авиве, принадлежали именно ему, Кодрянскому. На его деньги был построен первый в Тель-Авиве «дом престарелых», который он многие годы содержал на свой личный счет. Будучи финансистом, конечно, более мелкого калибра, чем Михаил Поляк, Кодрянский, однако же, сыграл важную роль в приобретении земельных участков для сельскохозяйственных целей или под строительство на них еврейских поселений.

После того как вспыхнула Первая мировая война и турки вынудили Кодрянского покинуть Эрец-Исраэль, он отправился в Россию. В 1919 г. вновь вернулся в Эрец-Исраэль, теперь уж навсегда. В течение нескольких лет был заместителем мэра Тель-Авива М. Дизенгофа.

Его отношения с Поляком продолжались и в дальнейшем: при прямом, разумеется, участии основателя и хозяина компании Neshet Cement Works Кодрянский был назначен директором ее тель-авивского отделения и занимал эту должность до последних дней жизни. Умер он 3 декабря 1941 г., похоронен на старом тель-авивском кладбище.

Оба его письма, адресованные Поляку в Париж, приводится по подлинникам, хранящимся в архиве Neshet Cement Works (Haifa, Israel).

1

7 October 1920 Mr M. Poliak

Paris

Многоуважаемый Господин Поляк!

Я был несколько недель в Египте по делам, потому не мог Вам все время написать, за что приношу свое извинение.

Настоящим хочу Вас горячо поблагодарить за оказанную поддержку нам, учетом переданных мною Вам векселей на 300 фунтов, в бытность Вашу здесь.

Деньги мы сполна, за вычетом следуемых процентов, получили своевременно через банк Кредит Лионе.

Отсюда нового ничего не имею Вам сообщить, о палестинской работе Вы, пожалуй, осведомлены за границей больше, чем мы здесь, ибо возвращаетесь в центре всей деятельности.

С пожеланием скорого с Вами свидания в Палестине, еще раз выражаю Вам свою благодарность и пребываю с искренним приветом,

И.М. Кодрянский

2

14 мая 1921

Многоуважаемый Михаил Григорьевич!

Десятого июня мы хотели платить Вам по В<ашему> векселю 1000 фунтов, но ввиду происшедшего погрома в Яффо мы, к великому сожалению, не сможем выполнить своего обязательства, так как все наши расчеты вследствие погрома не оправдались.

Многие наши покупатели не могут теперь выполнить своих обязательств по отношению к нам, и мы принуждены им теперь отсрочивать.

Поэтому мы еще раз вынуждены Вас просить об оказании нам услуги, за которую вечно будем Вам благодарны, и надеемся, что Вы нам и на сей раз не откажете.

Просьба наша состоит в следующем. Чтобы Вы наш вексель сроком сего 10-го июня не послали в банк, а мы Вам 5-го июня вышлем 500 фунтов наличными в фунтах или во франках, как Вы нам укажете, а на остальные 500 фунтов Вам при сем посылаем вексель сроком 15/XII с.г. на сумму выплаты с процентами, что составляет 522 с половиной фунта.

Надеемся, что Вы нам не откажете в нашей просьбе, и мы заранее выражаем и просим принять нашу искреннюю благодарность.

Готовый к услугам

И. Кодрянский

Об одном неосуществленном проекте издания русско-еврейского еженедельника

В бумагах Михаила Григорьевича Поляка сохранилось адресованное ему письмо, в котором излагалась просьба о финансовой поддержке еврейского еженедельника. И хотя эта просьба поддержана адресатом не была и с его стороны, насколько можно судить, не последовало никаких практических шагов, тем не менее сам по себе этот документ представляет известную историческую ценность и как, с одной стороны, свидетельство пусть и невоплощенного в жизнь проекта борьбы с антисемитизмом посредством печатного слова, и как, с другой, неизвестная страница из истории еврейского меценатства, по каким-то причинам не ставшего реальным деянием. Автором письма является С.Л. Поляков-Литовцев, который вряд ли стал обращаться бы с подобной просьбой, если бы не был уверен, что адресат отнесется к ней, по крайней мере, внимательно. С известной долей вероятности можно предположить и другое: поддержку Поляком каких-то еврейских проектов, что в таком случае делает в особенности оправданным и логичным обращение к нему Полякова-Литовцева. Но даже если это предположение обладает лишь гипотетической фактической базой, письмо, которое имеет смысл привести полностью, представляет интерес само по себе – в силу целого ряда моментов, о которых будет сказано в комментарии к нему. Но сначала – снова – несколько слов об его авторе.

Соломон Львович Поляков-Литовцев (наст. фам. Поляков; 1875–1945), один из ведущий русских журналистов, поэт, драматург, прозаик, публицист, переводчик, мемуарист. Как корреспондент крупнейшей российской газеты «Русское слово» имел во время заседаний Государственной думы пропуск в ложу прессы, которую небезызвестный антисемит В. Шульгин не без ядовитого остроумия назвал «чертой оседлости» из-за едва

ли не подавляющего числа в ней евреев. После большевистского переворота Полякову-Литовцеву в отличие от многих коллег по творческому цеху не пришлось эмигрировать на Запад, поскольку, являясь иностранным корреспондентом «Русского слова», он находился в Лондоне.

Деятельность Полякова-Литовцева в Лондоне не только как журналиста, но и как трезвомыслящего политического эксперта, глубоко и тонко разбиравшегося в международной обстановке, умевшего предсказывать ход грядущих событий, и при этом глубоко честного и порядочного человека, высоко оценил К.Д. Набоков, который в 1916 г. был назначен советником российского посольства в Великобритании (а с мая 1917 г. стал его главой). Впоследствии он называл Полякова-Литовцева среди тех, кто после прихода к власти большевиков и возникшей в результате этого сложнейшей ситуации на дипломатической арене оказал ему в Лондоне громадную «нравственную поддержку»:

Наиболее ценными моими советниками, – писал Набоков в книге «Испытание дипломата», – людьми, придававшими мне бодрость духа и ясность мысли за это время, людьми, которым я до конца жизни буду благодарен за оказанную ими мне нравственную поддержку, были: бывший корреспондент «Нового времени» Г.С. Веселицкий-Божидарович (82-х летний старик, человек совершенно исключительного ума, сердца и знаний), давний мой друг Г.А. Виленкин (бывший русский финансовый агент в Лондоне, Вашингтоне и Токио), С.Л. Поляков-Литовцев («Русское Слово») и лейтенант Абаза – светлейший образец самозабвенного патриота⁶.

Там же, в Лондоне, в 1919–1920 гг. Поляков-Литовцев сотрудничал в еженедельнике «The Russian Outlook», который, как полагали некоторые, являлся его собственным журналистским и издательским детищем. Так, например, известный общественный деятель М. Маргулиес в дневнике от 2 мая 1919 г. сделал такую запись:

В Лондоне в 8 часов вечера. В Picadilly Hotel Ю.И. Гессен и А.В. Руманов, посланные комитетом Юденича и Л. С. <sic> Поляков (Литовцев), издающий здесь еженедельник⁷.

В 1921–1922 гг. Поляков-Литовцев редактировал в Берлине (вместе с Л.М. Немановым) газету «Грядущая Россия», а с 1923 г. обосновался в Париже. Перед угрозой гитлеровского вторжения во Францию переселился в США, где входил в «Союз русских евреев», являвшийся продолжением в новых условиях деятельности парижского Объединения русско-еврейской интеллигенции. Умер он Нью-Йорке от саркомы легких⁸.

В годы эмиграции Поляков-Литовцев находился на самом острие противостояния и борьбы леволиберального лагеря, к которому кровно принадлежал, с намного превосходящим его числом правых радикалов. Один из представителей последних писатель Н.Н. Брешко-Брешковский, идеологически объединяя Полякова-Литовцева и другого журналиста-еврея П. Рысса в некое единое целое, писал в предисловии к своему роману «Под звездой дьявола»:

В «Последних Новостях» оба изощрались в обливании клеветническими помоями русской армии, ее генералов, ее Верховного Вождя. Повторялась набившая оскомину пошлятина о реакционно настроенных ландскнехтах, о царских генералах, мечтающих о реставрации и удушении «завоеваний революции». Поднялась какая-то остервенелая

⁶ Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм: Северные дни, 1921. С. 187–188.

⁷ Маргулиес М.С. Годы интервенции. Кн. 2. Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. С. 54.

⁸ См. некролог «Памяти С.Л. Полякова-Литовцева», написанный А. Седых (Новый журнал. 1945. № 11. С. 348–349).

травля. Травили с пеной у рта нескольких десятков тысяч мучеников-бойцов, к великому сожалению Рыссов и Поляковых-Литовцевых избежавших «стенки» и чрезвычайки⁹.

А другой столп реакции, один из вождей и апостолов российского антисемитизма Н.Е. Марков-2, со страниц редактируемого им в эмиграции черносотенного журнала «Двухглавый орел» витийствовал: «Но временами приходится мне читать газету “Последние Новости”. Хотя на фронтоне этого газетного сооружения и красуется броская вывеска “Павел Милюков”, – но как подставной русский наймит он мало что значит в действительном руководстве этим еврейским заведением. Знающие люди свидетельствуют, что Милюков лишь вывеска, под которой торгуют русским словом доподлинные хозяева предприятия – евреи, и что истинным редактором “Последних Новостей” является вовсе не Павел Милюков, а Самуил Поляков (Литовцев)»¹⁰.

Весной 1926 г. Поляков-Литовцев посетил Эрец-Исраэль и по возвращении в Париж описал это путешествие в серии очерков, напечатанных в «Последних новостях». 25 мая 1926 г. он выступил перед членами сионистской организации Бней-Цион, делаясь своими впечатлениями от того, что увидел в Святой земле. Согласно отчету, помещенному в редактируемом В. Жаботинским еженедельнике «Рассвет», Поляков-Литовцев говорил о том, что уже самый пейзаж Палестины производит чарующее впечатление. Еврей, переступающий порог страны, сразу чувствует себя «дома». Героическая работа халуцим – подлинных строителей страны – привела его в восхищение. Огромное впечатление произвело на него возрождение еврейского языка. В Палестине, по его мнению, имеются огромные возможности для евреев. От самого еврейского народа зависит превращение страны в еврейский «дом»¹¹.

Мы не располагаем информацией о том, где и при каких обстоятельствах Поляков-Литовцев познакомился с Михаилом Поляком. Возможно, знакомство это произошло через Соломона Поляка, который, как и Поляков-Литовцев, был масоном, да и в эмигрантских еврейских организациях занимал далеко не рядовое положение.

Итак, как было сказано, Поляков-Литовцев обратился с письмом к Михаилу Поляку, которое приводится по подлиннику, хранящемуся в архиве последнего (Nesher Cement Works, Haifa, Israel).

4 июня <19>29

Paris

Дорогой Михаил Григорьевич,

Извините, что пишу только сейчас – на какое-то время я совершенно «выпал из жизни»: сначала навалилась срочная работа, а потом я оказался в руках эскулапов, которые упражняли на мне свое медицинское искусство. Я, слава Богу, остался жив, но насилию от них вырвался! П.М. Рутенберг в свое время передал мне от Вас привет и Вашу просьбу, о которой я не забыл и которой займусь вплотную в самое ближайшее время, не подумайте, что отнесся к ней спустя рукава.

Шлю вырезку моей статьи о состоявшемся в Париже «диспуте об антисемитизме». Как видите, наша встреча оказалась, как Вы верно заметили при прощании, «чревата последствиями». Мои мысли вокруг диспута сосредоточились именно на том, о чем мы беседовали с Вами в последний раз, – необходимости прямого и откровенного разговора между евреями и теми, кому мы не по душе.

⁹ *Брешко-Брешковский Н.Н.* Под звездой дьявола. Нови Сад, 1923. С. 11.

¹⁰ 1928. № 18. 17 июня. С. 23.

¹¹ Рассвет. 1926. № 22. 30 мая. С. 11.

Я хотел бы вновь вернуться к нашей последней парижской беседе, завершить которую нам так и не удалось.

Как Вы, наверное, помните, Вы говорили о падении роли печатного слова и о том, что люди более доверяют делам, чем словам. Я позволю себе, Михаил Григорьевич, не согласиться с Вами. Мне кажется, Вы не совсем правы в том, что разделяете слово и дело. Ведь прежде чем стать «делом», «что-то» должно появиться в головах людей, быть сформулировано на языке – в виде мыслей и слов, и реальность наша отнюдь ничуть не менее «словесная», нежели «деловая». «Еврейская Трибуна», которую редактировал покойный М.М. Винавер, фактически была «делом», а не только «словом»¹². Разве Вы будете это отрицать?

Вы сами говорите, что мировое черносотенство оживилось. Мы с Вами слишком хорошо знаем, чем обычно заканчивается такое «оживление». Думаю, что и на этот раз не следует ожидать от него чего-то нового, кроме обычного в таких случаях еврейского погрома. И Вы в Палестине, и мы в Европе не уберемся от того, чтобы не стать его жертвами. Поэтому я так горячо выступаю в поддержку «слова», которое может воспрепятствовать завтрашнему дурному «делу».

В сложившихся критических обстоятельствах спасительную роль сыграл бы печатный орган, в котором это «слово» будет предоставлено обеим сторонам – нам, евреям, и тем, кто нас не любит, но честно готов обсуждать, как и откуда это чувство берется. Создать такое место для печатных дискуссий означало бы оказать еврейскому народу величайшую услугу. Я бы даже сказал, спасти его от гибели. И мы должны спасти наш народ.

Если бы Вы, дорогой Михаил Григорьевич, нашли бы возможность поддержать такой еженедельник финансово, Вы бы выполнили миссию огромной политической и нравственной важности.

Понимаю, сколько лежит на Вас дел и забот. Но сейчас, когда в воздухе пахнет вторым Бейлисом, а то и чем похлеще, мы уже не можем полагаться исключительно на талант наших искусных адвокатов. И ненависть к нам антисемитской своры может превратиться в реальную опасность, если ее вовремя не остановить.

Я говорил на эту тему с Вашим племянником – он разделяет мою тревогу, хотя от каких-либо конкретных предложений воздержался. Посоветовал обратиться к Вам и к Савелию Григорьевичу. Поэтому я и пишу Вам сейчас.

Между прочим, мы провели с ним недавно чудесный вечер, полный воспоминаний.

Бойцы вспоминали минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Мы совершили экспедицию по тем событиям, свидетелями которых оба являлись. Было крайне интересно узнать, что мы и относимся к ним одинаково.

Я напомнил Л<ьву> С<оломоновичу> о нашей встрече в Стокгольме, куда в это время Протопопов привез Думскую делегацию. Какая политическая буря разыгралась потом, когда стало известно о встрече Протопопова с Варбургом! А ведь вряд ли тот и другой имели серьезные намерения вести «сепаратные переговоры»... Так, попробовать друга друга на вкус – не более того. Я уверен, что ни в каких заговорах Протопопов не участвовал и «продавать Россию» не собирался. Я знал его хорошо – он был слабый человек и никакой герой, и возлагать на него роль «исторической личности» было бы нелепо. Потом, когда мне пришлось защищать своего коллегу Илью Троцкого, я убедился, как легко было в России оклеветать человека и, против всякой логики, приписать ему

¹² «Еврейская трибуна» – еженедельник, посвященный интересам русского еврейства; выходил в Париже в 1920–1924 гг.

любые грехи¹³. Ведь и про Прототопова говорили, что он «продался евреям»... Ну, не буду более занимать Вашего внимания.

Очень рассчитываю, дорогой Михаил Григорьевич, на внимательное отношение к моему предложению.

Когда Вы собираетесь в Париж? Надеюсь на скорое свидание.

Преданный Вам,

С. Поляков-Литовцев

Приведенное письмо интересно во многих отношениях.

27 мая 1928 г. Поляков-Литовцев принимал участие в проходившем в Париже диспуте «Об антисемитизме в Советской России». Главный пафос его выступления сводился к тому, что евреям и их «оппонентам» – злобствующим, но по-своему «прямым и честным» юдофобам – следовало бы встретиться и предельно откровенно выяснить, что каждой из сторон «не нравится» друг в друге. В результате таких дебатов, предполагал он несколько утопически и прекраснодушно, могли бы разрешиться сами собой обоюдная ненависть, затаенные обиды, недоверие и предвзятость, накопившиеся в ходе долгой истории совместного существования русских и евреев на одной земле.

Через два дня после диспута, 29 мая, под псевдонимом Литовцев, он опубликовал в «Последних новостях» статью «Диспут об антисемитизме», которая по существу представляла собой текст его выступления и призывала к спокойному диалогу семитов и антисемитов на предмет предъявления «взаимных претензий» и выяснения, какие причины мешают их этнической совместимости. В этой статье Поляков-Литовцев, в частности, писал:

...Для того, чтобы беседа была плодотворной и действовала оздоравливающее, было бы необходимо привлечь к спору несколько честных людей, которые возымели бы мужество объявить себя антисемитами и чистосердечно объяснили бы, почему они антисемиты, не ссылаясь при этом на «проекции иудаистического мессианизма», до которых сто одному из ста антисемитов решительно нет никакого дела... Просто, без лукавства, сказали бы: «мне не нравится в евреях то-то и то-то». А вместе с ними должны бы выступить несколько не менее искренних евреев с ответами: «а в вас нам не нравится то-то и то-то»... Можно быть абсолютно уверенным, что такой честный и открытый обмен мнений, при доброй воле к взаимному пониманию, принес бы действительную пользу и евреям, и русским – России...¹⁴

¹³ Иностраный корреспондент «Русского слова» Илья Маркович Троцкий (1879–1969) был в годы Первой мировой войны заподозрен в «патриотической нелояльности». Защищая доброе имя коллеги, Поляков-Литовцев отправил в газету письмо, в котором опровергал возведенные на Троцкого бездоказательные обвинения, см. ОР РГБ. Архив газеты «Русское слово». Карт. 20. Ед. хр. 10. Л. 5–13.

¹⁴ Литовцев С. Диспут об антисемитизме // Последние новости. 1928. № 2624. 29 мая. С. 2

Выступление Полякова-Литовцева на диспуте и его статья в «Последних новостях», в которых поднималась крайне острая тема русско-еврейских и шире – иудео-христианских отношений, не могли пройти незамеченными. И, действительно, они вызвали разные реакции в эмигрантских кругах: ограничусь указанием хотя бы на заметки З. Гиппиус «Не нравится – нравится»¹⁵. Однако самой значительной реакцией и ответом на них, последовавшей из того мира, к которому Поляков-Литовцев, по сути дела, обращался и которому бросал перчатку, мира, где антисемитизм был не только «животным чувством», но и своего рода рационально оформленной идеологической системой, стала знаменитая книга В. Шульгина «Что нам в них не нравится» (1929). В самом ее названии скрывался намек на то, что перчатка оказалась поднятой... Таким образом, появление одного из важнейших антисемитских текстов XX в., своеобразной «декларации антисемитизма», было спровоцировано именно Поляковым-Литовцевым.

Вырезку своей статьи «о состоявшемся в Париже “диспуте об антисемитизме”» Поляков-Литовцев отправил Поляку в приведенном выше письме. Как из него выясняется, с Михаилом Григорьевичем он обсуждал саму идею «необходимости прямого и откровенного разговора между евреями и теми, кому мы не по душе». Именно вокруг этой идеи строился план задуманного им еженедельника, который, по его собственным словам из того же письма, «в сложившихся критических обстоятельствах» должен был сыграть «спасительную роль». Трудно сказать, насколько действенным с точки зрения служения еврейским интересам мог оказаться орган печати, в котором, по замыслу Полякова-Литовцева, слово «будет предоставлено обеим сторонам – нам, евреям, и тем, кто нас не любит, но честно готов обсуждать, как и откуда это чувство берется», однако несомненно, что опыт подобного издания мог бы стать уникальным не только в истории русской журналистики, но и в истории международного антисемитизма и борьбы с ним. Как тонкий дипломат, несколько завышая кредиты миссионерской роли еженедельника, на который он просил деньги, и давая при этом на национально-патриотические чувства Поляка, Поляков-Литовцев увлеченно определял его ближайшую задачу как – ни больше, ни меньше – спасение еврейского народа. В то же время, если отнестись к его проекту без некоторого преувеличенного пафоса, речь шла о действительно крайне важных вещах. Как опытный и проницательный журналист Поляков-Литовцев хорошо чувствовал современные ему общественные настроения и понимал, что к антиеврейской ненависти российского происхождения в условиях эмиграции присовокупляется местный антисемитизм. В его представлении, судя по всему, либеральные, в том числе еврейские ценности, требовали защиты в международном масштабе, и новый печатный еврейский орган, следует думать, должен был охватить не только российскую диаспору, но и стать голосом мирового еврейства. В таком случае планируемое издание предполагалось, очевидно, на нескольких языках — русском, французском, английском и, возможно, даже идише¹⁶, – всеми из них Поляков-Литовцев хорошо владел.

Другой крайне интересный аспект публикуемого письма – упоминание о тайнознаменитой встрече в Стокгольме в 1916 г., в самый разгар Первой мировой войны, тогдашнего товарища председателя Государственной думы А.Д. Протопопова (1866–1918), позднее занявшего пост последнего царского министра внутренних дел, а еще позже расстрелянного большевиками, и немецкого банкира Ф. Варбурга. Протопопов ездил в Стокгольм во главе российской парламентской делегации для встречи с представителями стран-союзников. В состав делегации входили члены Государственной думы (П.Н. Милюков, А.И. Шингарев, А.И. Звегинцев и полковник Б.Н. Энгельгардт) и

¹⁵ Новый корабль. 1928. № 4. С. 22–26

¹⁶ Кстати сказать, последний язык был для Полякова-Литовцева самым близким: русскому языку он выучился, когда ему миновало 17 лет.

Государственного совета (В.И. Гурко, А.В. Васильев, гр. Д.А. Олсуфьев). Когда об этой секретной встрече стало известно в России, вспыхнул шумный общественно-политический скандал. О ней много писала российская пресса, обвиняя Протопопова в изменнических настроениях и ведении сепаратистских переговоров и приравнивая его поведение едва ли не к антигосударственному заговору. Поляков-Литовцев, находившийся тогда как корреспондент «Русского слова» в Стокгольме, знал обо всей этой истории из первых рук. 1 июня 1928 г., т.е. за несколько дней до письма Поляку, он опубликовал в «Последних новостях» воспоминания о Протопопове, где одним из центральных эпизодов стало повествование об этой встрече. По его глубокому убеждению, никакого заговора не было, а сама протопоповско-варбургская конфиденция носила достаточно пустой и бессмысленный политический характер.

Пустая, нелепая встреча, – писал Поляков-Литовцев. – Но в судьбе Протопопова она сыграла значительную роль. Она положила начало разрыву Протопопова с Государственной думой. Она сблизила его с реакционными кругами столицы, которые с этих пор стали узнавать в нем своего человека – одни потому, что Протопопов беседовал с немцем, другие – потому что потерял доверие «революционеров» прогрессивного блока...¹⁷

Упоминаемый в письме Лев Соломонович Поляк (1882–1944?)¹⁸, сын Соломона Григорьевича и племянник Михаила Григорьевича, имел непосредственное отношение к встрече Протопопова с Варбургом, поскольку она происходила в номере отеля, который он снимал. Поэтому «стокгольмский эпизод» в тот «чудесный вечер, полный воспоминаний», о котором пишет Поляков-Литовцев, был для него, как можно предположить, ничуть не менее актуальным, чем для автора письма.

Возвращаясь к главной цели обращения Полякова-Литовцева к Поляку, добавлю, что в поисках источников финансирования задуманного еженедельника он в то же самое время обратился и к состоятельному П.М. Рутенбергу, главе палестинский электрической компании. Рутенберг, который хотя и ушел с головой в новую для него, известного в прошлом российского революционера, члена партии эсеров, организатора казни провокатора Гапона, реальность, тем не менее множеством нитей был связан с российской политической эмиграцией. В связи с обращением к нему Полякова-Литовцева становится понятной сделанная им запись, для которой я при работе над книгой о нем¹⁹ не сумел в свое время отыскать соответствующий контекст и тем самым объяснить ее значение. Как и во многих других случаях, данная запись является скорее не формой протоколирования Рутенбергом текущих событий внешней или внутренней жизни, а выражает потребность – из-за отсутствия собеседника – в некоем, что ли, «разговоре с самим собой». Такого рода записи Рутенберг зачастую не датировал, и поэтому порой крайне трудно в точности соотнести их с определенными событиями. Но в данном случае такая возможность теперь счастливо отыскалась. Получив, по всей видимости, от Полякова-Литовцева письмо или встретившись с ним в Париже, Рутенберг записал на отдельном листке:

¹⁷ Поляков-Литовцев С. Из воспоминаний журналиста (А.Д. Протопопов в Стокгольме) // Последние новости. 1928. № 2627. 1 июня. С. 2–3.

¹⁸ Как и его сестра художница Елизавета Соломоновна (1891–1940-е гг.), во время Второй мировой войны был арестован немцами во Франции, депортирован в Германию и погиб в лагере.

¹⁹ См.: *Хазан Владимир*. Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту (Опыт идентификации человека, который делал историю) <В 2-х книгах>. Иерусалим; Москва <2008>.

Ко мне обратился С.Л. Поляков-Литовцев с просьбой помочь (или поддержать перед другими) в организации еврейского еженедельника на русском языке. Обратился ко мне, М.Г. Поляку, еще к кому-то. Еще не знаю, что по этому делу думают другие, увлек ли С.Л. их своим планом или нет? Соблазнил или оставил равнодушными? Удастся ли собрать нужную сумму?

Лично у меня эта идея вызывает сочувствие. Разделяю его тревогу о том, что антисемитские настроения в Европе растут и распространяются и необходимо бороться с ними. И чем энергичнее будет эта борьба, тем больше результатов она даст. Не знаю, может ли здесь что-то изменить новая газета, но вопрос он ставит правильно: в мире скапливается густая антиеврейская злоба, и с ней нужно воевать всеми доступными мерами. Хватит ли наших сил расстроить мировой антиеврейский сговор? И будут ли эффективными в этом направлении усилия нескольких журналистов, пусть умелых и талантливых самих по себе?

Остается только гадать, по какой причине проект Полякова-Литовцева остался неосуществленным и почему он оставил свои старания по организации еврейского еженедельника. Сыграло ли здесь свою решающую роль то обстоятельство, что он не сумел мобилизовать финансовые ресурсы, на которые главным образом рассчитывал, или в дело вмешались какие-то иные, сторонние факторы и причины? Не исключено, что сам инициатор этого проекта через некоторое время мог разувериться в эффективности идеи борьбы с антисемитизмом путем открытого обмена враждующими мнениями. Как бы то ни было, но план Полякова-Литовцева реализован не был – еврейский печатный орган подобного типа свет не увидел. В то же время примечателен сам факт тревожных предчувствий, которые посещали эмигрантскую русско-еврейскую интеллигенцию задолго до того, как роковые и трагические события европейского и мирового апокалипсиса стали исторической реальностью.

Иллюстрации:

П. Рутенберг (на первом плане, в котелке) и М. Поляк

Портрет С.Л. Полякова-Литовцева работы С. Сорина